

В. П. Еришов

**ЕЛЬ (ХВОЙНЫЕ) В ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
«ИНОГО МИРА»
(НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА)**

Ель (терминологическая замена: сосна, кедр, пихта, можжевельник), о чем шла речь в предыдущих моих статьях, символизировала бессмертие, вечную жизнь, предков, была вместилищем жизненной силы¹. Сакрализация этого дерева – ели, его связь с миром мертвых и предков определили ее место и роль в похоронной, поминальной, свадебной обрядности, в магии плодородия, в образных представлениях народов о «том свете»². Идею о связи ели с предками несколько лет назад мне подсказал Ю.Ю. Сурхаско.

Из мифологии тувинцев известно, что хвойные (кедр и лиственница) были их тотемными деревьями, т. е. предками. Сахалинские нивхи и айны также верили, что их предками были ели. Прослеживается тесная связь между сибирскими шаманами и сосновыми рощами. Перед захоронением бурятского шамана сжигают на костре, приготовленном из *сосновых* дров, затем кости и пепел замуровывают в толстую *сосну* в сосновой роще и возносят моления божествам и умершему, после этого он считается божеством³. Согласно С. В. Иванову, известному исследователю изобразительного искусства народов Сибири, родовое дерево тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев, например) – «джигда» – может означать сосну, хотя он об этом говорит осторожно⁴. В любовной переписке юкагиров (рисунки на бересте – *тос*) люди изображались в виде закрытого зонтика, а точнее, в виде стреловидных деревьев – елочек, остроголовых человечков⁵. Человек-дерево... «В схематической фигуре человека два самостоятельных антропоморфных образа: остроголового человека и человека-дерево», – пишет исследовательница юкагирских пиктограмм Л. И. Жукова⁶. Остроголовый человек-дерево – это первопродок, хозяин нижнего мира (праотец – *энмиэдиэ*, т. е. «молодая лиственница»). Его древовидный, остроголовый символ изображался на подолах мужских юкагирских передников. Сакральное отношение к хвойным (лиственнице) сохранялось у юкагиров до конца XIX в. «В пиктографическом письме эвенков человек (эвенк) обозначается

елкой», – отмечает С. В. Иванов⁷, что предполагает ель как тотемное дерево у этого народа. Можно полагать, что она была таковым и у аборигенного населения нашего края⁸. Исследования карельской и вепсской вышивки показывают, что человек-дерево (антропоморфная ель) широко представлен в этом древнем декоративно-прикладном искусстве. «Порой они (деревья. – В.Е.) больше похожи на просшие *хвойными* элементами антропоморфные фигуры, чем на изображения деревьев. Человеческими признаками наделена верхняя или нижняя часть дерева, – пишет известная исследовательница орнаментов финноязычных народов А. П. Косменко. – Так, в одних вышивках ствол, показанный в виде вертикальной линии или столба, насквозь пронизывает вышитую у основания треугольную фигуру, которая, видимо, олицетворяла корни и комель *хвойного дерева* (выделено нами. – В. Е.). Однако верхняя часть дерева имеет ярко выраженные антропоморфные черты, что подчеркнуто многократным повторением поднятых вверх человеческих рук – веток дерева. Вместо вершины вышита поясная антропоморфная фигура»⁹. А. П. Косменко видит параллели этим антропоморфным изображениям в средневековых рисунках на саамских бубнах, на которых изображались деревья (ели?) в контаминации с человеком (растительным духом) и в археологических материалах 3 тыс. д.н.э.¹⁰

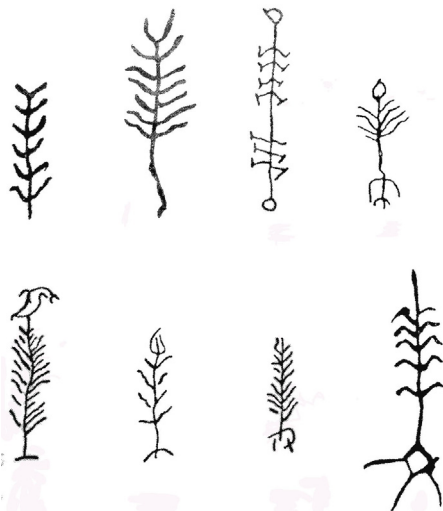
Интересно, что сибирский этнографический материал сравним с некоторыми элементами обрядовой практики карел и вепсов. И. Ю. Винокурова приводит интересное наблюдение: у южных вепсов был обычай рядиться в «ель», т. е. они обвязывались еловыми ветками, что, вероятно, как пишет исследовательница, связано с древним культом ели¹¹ и, возможно, добавим мы, с «еловыми предками», как у юкагиров. Древнее предание о польско-литовских набегах на олонечские поселения в XVII в. рассказывает: как-то шведы, намереваясь напасть на Олонек, расположились в устье р. Олонки, но приняли еловую рошу в д. Горки Ильинского погоста за большое войско и, испугавшись, повернули обратно¹². Ели в качестве предков встали на защиту своего рода! Николай Клюев – поэт очень чуткий к этнографическому субстрату жизни народа – так и называл олонечских мужиков в поэме «Повесть о скорби» – «рать еловая».

В делах уездных судов Укуниемеи 1679 г. и Яаккима 1675 г. (Приладожская Финляндия) сохранилась интересная информация: в д. Боранова Гора крестьяне (православные карелы) собирались на высоком холме под названием Коровья Гора, варили молочную кашу и куриное яйцо, кто-то забирался на дерево и созывал «бесов» на обед, куриное яйцо опускали в расщелину – так совершалось жертвоприношение; надо думать, что «бе-

сами» были предки карел. И все это «языческое» действие проходило в *еловом* лесу. Затем население этой деревни сменилось на финское и новые жители разровняли вершину холма и сожгли ели¹³.

Сакральное отношение к ели в значительной мере определяло ее место в обрядах и верованиях у карел и вепсов. Ель у южных вепсов считалась сильным оберегом. И. Ю. Винокурова в фундаментальной работе «Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов» публикует фотографию дома М. И. Шиловой в д. Федорово, рядом с которым высится ель, ее высадил хозяйка в годы Великой Отечественной войны как оберег семьи от бед¹⁴. На этой же странице приводится и другой пример оберегательной роли ели: во время грозы или ночевки в лесу вепсы старались спрятаться под ветвями ели. Правда, объяснение этому информанты связывали с христианизированным признаком: «иголки на концах веток располагаются крестом».

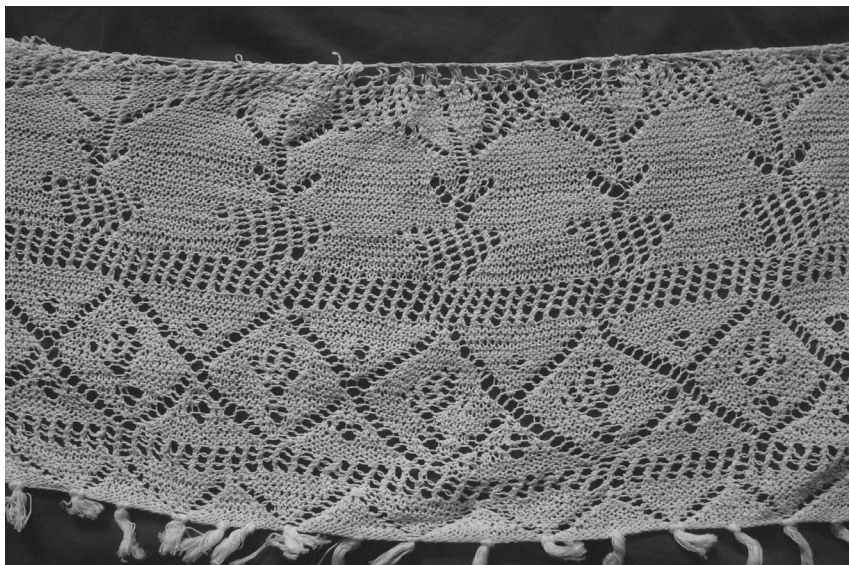
Интересным и важным представляется мне образ маленькой елочки с корнями. Она является элементом прибалтийско-финской обрядности, в том числе и у вепсов¹⁵. У средних вепсов И. Ю. Винокуровой зафиксирован обряд обхода скота пастухом с иконой и вырванной в обряде елочкой. «Использование ели и рябины, вырванных с корнем, в обрядовом обходе пастуха встречается у финнов и карел и, судя по всему, может считаться прибалтийско-финским элементом обрядности», – пишет она¹⁶. Об использовании веток хвойных – ели и сосны – пастухом в обряде обхода стада пишет и Н. А. Криничная¹⁷. Известно, что выкопанной в лесу елочке исповедовался колдун, что было проявлением древней традиции исповеди финно-угорских народов (коми, карелы) дереву¹⁸. В строительной практике финно-угров отмечается использование хвойного дерева при закладке нового дома¹⁹, у коми-пермяков при закладке первого венца дома в красном углу помещали елочку как символ «души предков», а после

Родовые знаки обских угров

(по кн. С. В. Иванова «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.». М.; Л., 1954. С. 28. Рис. 13).

первых трех венцов приносили из леса вырванную с корнем елочку и ставили ее на землю в переднем углу сруба: чтобы дом был устойчив²⁰. В. А. Семенов считает, что эти ритуальные действия с елочкой были направлены на то, чтобы предки искупили вину людей за погубленные «души» срубленных сосновых деревьев. Такой же обряд зафиксирован и в Сургуте: вырванный с корнями маленький кедр ставился в переднем углу сруба: «На тебе мать-суседушка (домовой дух) теплый дом и мохнатый кедр». И деревце это не выбрасывалось, как объясняет этот обычай В. Семенов, – строительство дома предполагало благорасположение предков, которое символизировало деревце с корнями. Кроме того, строительство дома мыслилось как строительство мира, дом-космос пронизывает все миры и елочка, кедр дублировали проращение дома в космос²¹. Аналогичную символику имеют и еловые ветки, положенные под всеми четырьмя углами сруба дома²².

Вязанный крючками подзор с орнаментом из перевёрнутых елей

Музей духовной культуры Карелии Карельского государственного
педуниверситета, № 1028

Символ елочки с корнями был известен народам Сибири, что зафиксировал С. В. Иванов. В его работе собраны в таблицы родовые знаки (*тамги*) хантов и манси. «Родовой знак был связан с именем рода и яв-

лялся, как предполагают некоторые исследователи, не чем иным, как изображением родового предка-тотема»²³. Среди родовых знаков – солнца и луны, человека, животных, птиц, рыб и их фрагментов – мы видим и таблицу с изображением деревьев, которые он называет елями, многие из них изображаются с корнями²⁴. Конечно, эти условные изображения деревьев можно было бы отнести и к другим древесным породам, но карандашные рисунки деревьев, сделанные селькупом П. Безруких в 1901 г., и его пояснения к ним дают все же возможность выделить в этой таблице родовых деревьев именно елочки с корнями²⁵. В этом фундаментальном исследовании Иванов констатирует, что ель изображается практически у всех изучаемых им народов. «Рисуются они (деревья. – В. Е.) или отдельно, висящими в воздухе, или растущими на горах, или, наконец, поставленными на линию земли. Своим видом они напоминают ель или лиственницу. Ввиду того что почва под деревьями почти всегда отсутствует, они как бы повисают в воздухе со всеми своими корнями. Последние изображаются очень часто, т. к. дерево без корней – предмет лишенный жизни, мертвый»²⁶. Елочки с корнями изображаются островерхими, ветви – тонкими, волнистыми линиями, идущими почти параллельно друг другу или под углом вниз или вверх. Считаю важным обратить внимание на иконографию ели. Проблема идентификации дендросимволов (в частности ели) в произведениях декоративно-прикладного искусства представляется мне важной и малоисследованной.

В пространственной модели мира карело-финского эпоса мифологический образ ели, бора надо рассматривать не в качестве объекта, а скорее в качестве субъекта, наделенного волей и необыкновенными свойствами. За спиной этого образа встают тени предков, способные интегрироваться в настоящее (обрядовая практика) и будущее, в котором скорбная причеть всем открывает двери в хвойную Туонелу. Ели – надвременные субъекты, они – мифопоэтическая проекция Вселенной, они коррелируют мировой вертикали. Их время сакральное – время календарных праздников, похоронной, свадебной обрядности, что превращает события в акт первотворения, ставит их в центр Мира. Ели-предки подчиняют себе не только время, но и пространство. Они создают особые локусы – кладбища, священные рощи, определенные участки леса с комплексами святынь, особо отмеченных и почитаемых населением, даже одиночные деревья на большое расстояние вокруг себя стягивают сакральное пространство, организуя определенную культовую и иную систему координат, связанную с обрядовой, но, помимо того, с эстетической, мемориальной (карсикко²⁷), игровой деятельностью.

Здесь уместно вспомнить историко-культурный ландшафт Валаамского монастыря, имеющий ярко выраженный религиозно-мифологический и художественный замысел, в котором хвойным – елям, пихтам, лиственницам – отводится особая роль. К входу на территорию Игуменского кладбища ведут две пихтовых аллеи, последняя – 30-метровая – ориентирована на могилу устроителя монастыря игумена Дамаскина. Другой мемориал Дамаскина – келья, в которой он жил до своего настоятельства – отмечен трехрядными посадками мощных лиственниц, создающих настроение покоя и торжественного величия. Эти вечнозеленые деревья – пихты, лиственницы, ели – отмечают наиболее значимые точки архитектурного ансамбля монастыря – церкви, часовни, кладбища. Темные, сумрачные ели, например, вокруг ограды Предтеченского скита создают особое психологическое настроение, соответствующее самому суровому уставу этого скита: они – как напоминание о бренности мира, вечности и смерти...

Прекрасный оживотворенный образ ели у разрушенного монастыря в Челме (Лекшмозеро, Каргополье) рисует писатель Г. П. Гунн: «Самая высокая ель стояла особняком на зеленой лужайке. Это был подлинный памятник природы – подобного могучего дерева я еще не встречал на Севере, ни по высоте, ни по красоте. Если рубить шатер церкви – совершенней формы не найти. Ель высится ровным конусом, обрисованным плавной мягкой линией. Под сень ее ветвей можно войти в рост. Ствол толщиной в два обхвата, серый, чешуйчатый, с янтарными натеками смолы. Комель под нависшими ветвями-крылами с могучим корневищем походит на огромное шестилапое чудище, но чудище доброе, а вернее, равнодушное ко всему, ушедшее в свои годы, века. И только ветер шумит в кроне...»²⁸. Особенно ярко священные места, отмеченные хвойными (можжевелиником), проявляются на Кенозере²⁹.

Ель как родовое дерево или дерево предков финно-угорских народов³⁰ органично вписывается в картину мира мертвых, является как бы его «опознавательным» знаком». В определенной степени «тот свет» представляют кладбища (kalmisto), «деревни мертвецов»³¹. Это священная роща из елей, среди которых – захоронения. Священные рощи – локус совершенно особый по своим характеристикам и законам: полумрак елей «рай медвежий и сумрак еловый» (Н. Клюев), тишина, нарушаемая только пением птиц да плачами-причитаниями «как будто в зыбях хвой рыдают серафимы» (Н. Клюев), домики мертвых – «гробницы» (grobničča), смертная доска (калмалауда), переговорная палка (надмогильная палка)³², ветровые платки, дым кадилъниц и многочисленные табу, нарушать которые никто не решается...³³.

На старых карельских кладбищах ветровые платки (tuulipaikka) привязывали к большим соснам, к ним же прибивали медные образки. «Не является ли это пережитком глубокой древности, когда надмогильными знаками служили живые деревья?» – спрашивает У. С. Конкка³⁴. Подобное же предположение на материалах Заонежья высказывают А. К. Байбурин и К. К. Логинов³⁵. П. П. Медведев в своей работе о погребальных сооружениях приводит схему «Генезис и эволюция некрокультурных сооружений Беломорского Поморья», в которой показано как, по мнению автора, происходит эволюция от захоронений на дереве (сосне) к дереву-знаку и затем к столбику (голубцу), шести, палке, кресту на могиле³⁶. Автор присоединяется к гипотезе, что традиция ставить столбик или другой памятник на могиле восходит к почитанию «святых деревьев»³⁷. Это предположение подтверждает и обычай ставить в Карелии на старообрядческой могиле можжевельный крест³⁸ или просто можжевельную палку³⁹. На могилах детей и девушек сажали кусты можжевельника или елочку⁴⁰. Обычай был распространен и среди славян, считалось, что в дереве живет душа умершего, и если дерево приживалось, то умерший был праведным⁴¹. Видимо, как следы культа хвойных следует рассматривать широкое использование еловых веток в похоронно-обрядовой практике, в частности опахивание ими могилы. По записям священника А. Петропавловского, старообрядцы карельских уездов Олонецкой губернии поминовение по умершим совершают следующим образом: «Нанесут на кладбище пирогов, которые полагают на верхнюю часть могилы, а сами *хвоиною* (выделено нами. – В. Е.) пашут по могиле, приговаривая: «Упокой, Господи, душу рабы (имярек)»⁴². Об этом же обычае, бытовавшем в карельских деревнях Медвежьегогорского района еще в 70-е гг. XX в., пишет и У. С. Конкка⁴³. Следы почитания ели-тотема мы находим в свадебных обрядах. В некоторых свадебных традициях украшенная елочка олицетворяла «красоту-волю» невесты: подружки выносили наряженную елку на середину избы, и невеста кланялась ей, затем елку помещали в красный угол – самое почетное место в доме – и обращались к ней как к божеству. «Жизнь невесты, находящейся в «пороговом» состоянии, связывается не только с тотемным животным, но и с растением-тотемом»⁴⁴. Елочка как заместитель человека упоминается в современных обрядах проводов парней в армию в ряде областей – Вологодской, Костромской:

*Скоро, скоро я поеду
Через Неюшку реку,
Поставьте елочку зеленую
На том, на берегу!*
(Рекрутская частушка, Костромская обл.)⁴⁵.

В финно-угорской поэтической традиции ель (сосна, можжевельник), прежде всего, выступает индикатором «иноного мира». Николай Клюев, хорошо знавший эпическое наследие Олонецкого края и бытовой уклад его населения, писал:

*Есть две страны: одна – Больница,
Другая – Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!*
(«Есть две страны: одна – Больница»)⁴⁶.

Рассмотрим причитания. В плаче дочери по умершей матери еловые леса являются метафорой смерти, «иноного мира», так же как «река через дорогу» или «медвежьи следы»:

*«Погляди-ка как на этом чудесном свете,
к приходу дорогого злосчастливого стана,
на этих да на широких улицах
к приходу кручинного стана
еловые леса повыврастали»⁴⁷.*

Даже еловые иглы говорят о смертной печали плакальщицы: «А как подошла ближе на версту, / так даже на листочках выросли еловые иглы»⁴⁸. Дочь причитает по матери: «Моя, на знатный свет меня родившая, создавшая, не сможешь ли *золотые деревца – елочки вырастить*, (я) на них приходила бы поглядеть»⁴⁹. Еловые леса в плачах часто называют бором или рощей. Плач, записанный в д. Шалгвоваара (Сегозерье, Медвежьегорский район): «Не для ухода ли в землю *красивого бора* дорогих спасов приготовился? Или собрался для ухода в землю *рощи?*»⁵⁰. Плач при опускании гроба в могилу: «Не зарывайте доброту моего красивого хорошего в страшную землю – калму в этот красивый денечек. Поищите на это место *можжевельные кусточки*...».

В карельских причитаниях можжевельник – выразительный символ кладбища, могилы, смерти, печали... Плач матери по единственному сыну: собирая его к славным прародителям, в родовую землю предков, мать просит сына сходить «быстренько в растущий *можжевельный лес* с острым, наточенным топором» и принести *можжевельные кусты* красивым прародителям»⁵¹.

И в свадебных причитаниях хвойные (ель, сосна, можжевельник) так же служат индикаторами «чужого мира» мужа, подобного миру мертвых, куда «уходил» умерший. Причем еловые леса «мира мужа» окрашиваются негативными эпитетами: «гулкие», «страшные», «мрачные», и расположены они далеко – за морями, «на краю света», за «зыбучими болотами», что говорит о страхе невесты перед предстоящей судьбой. Мифологема «темный лес» в этих причитаниях наполнена вполне конкретным содержанием: это мир, где умирает «воля-краса» невесты, откуда нет воз-

врата и ей самой. Символично, что во многих случаях головной убор невесты представлен в виде елочки⁵². Прощаясь с домом перед уходом в «чужую сторону» мужа, невеста плачет: «И до каких мест раздается мой милый молодой голосок *в гулких еловых лесах*, пусть до того места лес наклонится. И докуда доносится мой красивый голосок курочки, дотуда пусть повалятся *страшные можжевельные леса* перед неродными чужими выношенными, пусть бы они их вырубали»⁵³.

В плаче невесты, обращенном к родителям с просьбой о приданом, тема маркированного елями и можжевельником «инога мира» звучит снова: «Дай, моя создательница, когда буду уходить к чужим созданным, самые красивые, стоящие в загоне цветочки (т. е. коровы. – В. Е.)... у загона прислушивалась бы, не идут ли из чащи *еловых лесочков* от своей создательницы приведенные цветочки...»⁵⁴. «Дайте я, кручинный стан, за хлебными столами моих двоих красивых еще покрашусь в порушку... ведь пропадут у кручинного стана все молоденькие волюшки, как красное спасово солнышко в позднюю вечернюю порушку закатится за *мрачные можжевельные леса*»⁵⁵. В свадебном плаче брату, отправлявшемуся звать гостей на свадьбу ему советуют, как надо приглашать гостей: класть поклоны без шапки, кланяться, и тогда «всевышние дорогие прародители украсят тебя и благословят *«в глуши можжевельных лесов, исхоженных медведями»*»⁵⁶. Исследовательница русских свадебных плачей В. П. Кузнецова отмечает, что в ночь перед свадьбой невеста жалуется: она плохо спала, словно постель была *колючей*, словно зубья бороны, ее кололи кусты *можжевельника*⁵⁷. Можжевельник как мрачная тень «того мира» напоминает о себе перед свадьбой...

В эпических рунах страна мертвых ассоциируется с глухим лесом. Например, Куллерво, обесчестив, не ведая того, свою сестру, пытается скрыться от позора, и мать ему советует уходить в лес, принять образ дерева:

*Ты иди сосной на горку,
Будь березкой в поле чистом,
Во бору сосной рождайся!*⁵⁸

Ср. в «Калевале»: «Стань на горке ты хоть *елкой*, / *Можжевельником* на поле...» (Руна 28).

Медиативные свойства ели подтверждаются в рунах как дерева пограничного локуса, края света, «инога мира» или острова, где, кроме елей, нет больше никаких деревьев:

*На морской попал он остров,
На котором нет деревьев,
Ель красивая там,
Ель растет и зеленеет,
Ель та с золотой верхушкой...*⁵⁹

В свадебных плачах (как и в похоронных) невеста нередко спрашивает, есть ли строеньица с очагом в «чужом мире жениха». Как правило, эти строеньица сделаны из еловых деревьев или еловой коры: есть ли «в той стороне» строеньице, «хоть из *еловой коры* сделанные постройки с порогами» или «хоть из жердей сделанные», куда бы могла она приобрести⁶⁰. В другом плаче от имени невесты спрашивают, есть ли у жениха «для первого прихода хоть из *хвои* строеньице?»⁶¹ В плаче № 17 невеста опять спрашивает патьвашку «есть ли у чужих выпаренных хоть подобные шалашам строеньица из *хвои*, под покров которых выпаренных я собираюсь»⁶².

Рассмотрим баню невесты. В карельских причитаниях баня невесты часто называется печальной – «эту баенку истопила (ты) очень печальную»⁶³. В плачах специально предупреждается, чтобы не топили баню невесты *еловыми дровами*: «Не истопили ли, чудесные мои подруженьки, хоть мою последнюю баенку еловыми дровами? Ведь еловые дрова многокручинные»⁶⁴. «Моя женщина, выпарившая несчастное семечко, не топи сосновыми дровицами – сосновые дрова печаль приносят. Не топи, моя женщина, создавшая печальное семечко, не топи еловыми дровицами – еловые дрова кручину приносят...»⁶⁵. Отвергаются соответственно и можжевельные дрова. «Судьба замужней женщины ставилась в прямую зависимость от тех свойств, какими наделялись определенные породы деревьев»⁶⁶. Запрет на еловые дрова существует именно потому, что они многокручинные, т. е. ассоциативно связаны со смертью, уходом умершего в далекие еловые леса или уходом невесты в «чужую» сторону, в дом мужа, которая так же маркируется еловым знаком⁶⁷.

Между тем известны свадебные причитания, в которых фигурирует свадебная баня, для ее приготовления, наоборот, использовали засохшую на корню ель⁶⁸. Засохшая ель – устойчивый мотив в фольклоре, и в частности в свадебных и похоронных причитаниях. Можно вспомнить волю невесты, улетевшую на север или унесенную северным ветром (символ смерти), улетевшую в еловые леса на вершину засохшей ели⁶⁹, или волю невесты, «прививающуюся» к сухому дереву, сказочный мотив, когда жених топил девичью волю в реке и прячет в сухое, скрипучее дерево (дерево без души), или ассоциацию девичей воли с засохшей елью, когда ближайшая подруга выносила украшенную елочку и от имени елки говорила:

*Привилась дивья красота
К сухому этому дереву,
Не бывать ему зелено,
А тебе (имя)
В красных девушках не бывать.*

Объяснение этого противоречия лежит в области имитативной магии: «сухое дерево соответствует идее смерти «воли-красы»⁷⁰; натопленная

девичья баня засохшими на корню еловыми дровами символизировала судьбу замужней женщины, ее засохшую, «умершую» «волю», потому и не хотели топить еловыми дровами. По сообщению А. П. Конкка, в северной Финляндии для невестки, пришедшей в дом мужа, обрубалось «именное дерево» – карсикко (хуррикас), за ним следили, ухаживали: хорошее состояние дерева означало счастье и удачу молодой, а засыхание – болезнь и короткий век⁷¹.

В системе образов смерти мотив засохшего дерева часто встречается и в похоронных плачах. В плаче по матери ее приглашают в виде золотой кукушечки прилететь на «*сухие еловые веточки куковать*»⁷². Засохшее дерево – это дерево, потерявшее душу. Устойчивая соотнесенность человека с деревом проявляется в метафорах, связанных с описанием смерти в причитаниях, приметах, загадках, быличках: засыхание дерева, его срубание, выворачивание с корнем и т.д.⁷³

Обращают на себя внимание плачи, в которых просят умершего прилететь птичкой на вершину ели или просто «на вершины маленьких деревьев»: «Прилетай теплым летом кукушкой *на вершину ели* куковать, я узнаю, что это ты, дорогая выносившая меня, *на вершине ели* кукуешь», – причитывает дочь по матери⁷⁴. Душа умершего в виде птички может прилетать во двор родного дома, ее можно было видеть на курицах – потоках крыши, на углу дома, на наличниках окон. В данном случае она кукует на вершине ели. Вершина ели – символ верха, неба, божественного мира. Вершина ели как образ встречается и в заговорах:

*...Наведи охотник на тот остров,
На тот пригорок приведи,
Где ели с цветущими вершинами...*⁷⁵

В северокарельских плачах упоминаются не только вершина ели, но и ее «корни»: в плаче перед уходом в баню невеста просит отца налить воды в рукомойник: «Не можешь ли, мой знатный хороший, налить прозрачной водицы, протекающей *из-под корней елочек*, чтобы (мне) свое молоденькое личико омыть»⁷⁶. Корни елочки, из-под которых «влага весело струится», мы находим и в 21-й «свадебной», руне «Калевалы»:

*Влага весело струится
И бежит как протокваша
У златых корней сосновых,
У корней тенистой ели!*⁷⁷

В причитаниях называются источники, откуда приносили воду для невесты: моря, реки, «из-под печного угла», «из-под дому подугольного», т. е. вода для невесты наделялась магическими свойствами... Вершина и корни ели (сосны) указывают на ель как на Мировое дерево, вершина которого упирается в небо, а корни уходят в подземный мир⁷⁸. Оно прорастает

через все три мира и символизирует Космос в неразрывной протяженности прошлого, настоящего и будущего.

Образ «ели с верхушкой» – Мирового дерева – хорошо известен эпосу:

*Ель растет и зеленеет,
Ель та с золотой верхушкой,
Золоченая кукушка –
На златой верхушке ели.*

.....
*Где на острове заморском
Золотая есть куница –
На златой верхушке ели*⁷⁹.

Особенно ярко ель как Космическое дерево показано в 10-й руне «Калевалы». Силой заклинания Вьяйнемейнен творит златую ель:

*Верх и ветви золотые,
Поднялись **вершиной** в небо,
Головой уперлась в тучи,
Высоко взметнула ветви,
Протянула их до неба...
(перевод Л. Бельского).
Вариант: Елку с золотой верхушкой
Он творил чудесной песней...⁸⁰*

Заклинаниями Вьяйнемейнен помещает на верхушку ели и «светлый месяц и Медведицу на ветки». Этим подчеркивается космический характер дерева, а также его пограничное положение: «Он подъехал к переправе, / Калевалы на границу, / На рубеж поляны Осмо» (Руна 10).

Эпос постоянно связывает ель с «началом вещей», с творением мира, огня, железа... В рунах о рождении огня на периферии его творения встает высокая ель, настолько большая, что до ее верхушки достает лишь вспенившийся поток реки смерти. Она выступает как божественный знак творения:

*И тогда река Туонела
Вспенилась к верхушке ели,
Поднялась там до обрывов...⁸¹*

Поэтическая образность фольклора помогает увидеть всю многозначность ели как символа страны предков: она сопровождает смерть и жизнь, свадьбу и творение мира.

В одном из древних преданий вепсов говорится, что изображение бога Юмалы находится в еловой роще и прикреплено к самой большой «лесине»⁸². Этот сюжет, правда, христианизированный, нашел отражение в рунах «Калевалы»: в 50-й руне рассказывается, что Марьятта-дева рождает Христа в сосновом бору («Калевала», перевод Л. Бельского, руна 50). В карело-финском эпосе ель и сосна – деревья, которые своим рождением обязаны Богу:

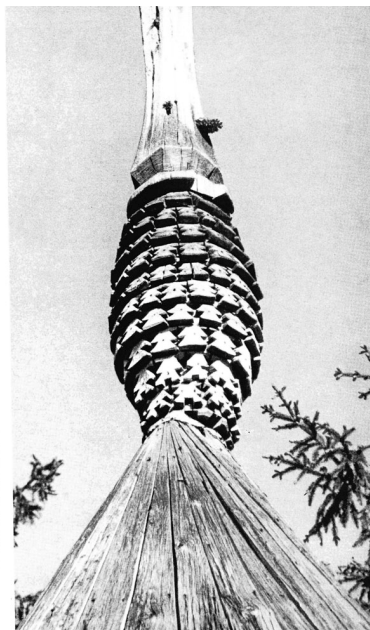
*Из земли не поднималась
– Елка, созданная Богом.
И сосна там с Божьим сыном...*⁸³

В то же время в фольклоре и эпосе просматривается хтоническая сторона хвойных. На это обратила внимание Н. А. Криничная: «Леший довольно часто уподобляется хвойным деревьям», – пишет она⁸⁴. Еловая разросшаяся ветка – «матка» или «пушистая елочка» и сосновый веник, подвешенные во дворе, осмыслились в качестве эманации домового; дух леса может обращаться в лесу в сосну или ель, он может выглядеть как еловый пень, ель, сосна могут быть жилищем лешего; ельник – место обитания лешего, при заключении договора с лешим рубят тупым топором толстую сосну и т. д.⁸⁵ Так же и в рунах «Калевалы» еловые чащи нередко обозначают место пребывания злого духа Хийси или безобидного духа леса: «Дед лесов сдобородый, / Мох – твой плащ, а хвоя – шапка!».

Часть резной «ветреницы» на крыше амбара в д. Варришпелда на Водлозере в Пудожском районе Республики Карелия.

Фото В. Ершова, 2007 г.

Главка Варваринской часовни в д. Коккойла Пряжинского района Республики Карелия

(По кн. В. П. Орфинского «В мире сказочной реальности». Петрозаводск, 1972)

Впрочем, мир мертвых (предков) и мир духов «Калевалы» не очень отличаются друг от друга, между ними еще нет глубокой пропасти. В заклипаниях Випунена поляны смерти, например, «рисуются одними красками», что говорит о нерасчлененности, пространственной близости этих миров: страна предков и мир духов сосуществуют и функционируют в сознании человека как нечто единое, взаимозаменяемое:

*Появилось наваждение
.....
На равнинах бога смерти,
И с вершин рудой богатых,
С многощумной серой ели
И с сосны, шумящей сильно,
Из дулистых старых сосен,
Из гнилого леса елей (Руна 17).*

Проблема ели из плоскости этнографической переходит в актуальную культурологическую ситуацию. Елочка стала этническим символом карел и вепсов. Ее мы видим на вышивках, в резных орнаментах бытовых предметов – пряничных досках, на бердах, карельских и вепских наличниках и причелинах, в карельской архитектуре. В. П. Орфинский и К. Хейккинен, рассматривая проблему этнических символов в условиях обострения национального самосознания карел, показывают на конкретных примерах, как происходит актуализация семантических средств в архитектуре. Авторы рассматривают Варваринскую часовню в д. Коккойла как замечательный пример национального своеобразия, особенно выделяя в ней главки, «общая форма которых напоминает еловые шишки, а каждая лемешина – стилизованное изображение елочки. Главки-шишки словно воссоздают обобщенный образ священной рощи, метафорически утверждая, что лишь природа достойна поклонения»⁸⁶. Причем это не единичная часовня, подобные с главками в виде еловых шишек были в деревнях Мансельга и Терусельга. Абстрактная стрелка между волютами в карельских и вепских наличниках превращается в елочку на постаменте из традиционного «косога креста». Архетипичность этого колючего символа проявляется в общей тенденции к обострению силуэта («колючесть») в деревянной декоративной резьбе на всей территории обитания карел и вепсов в Ленинградской, Новгородской и Калининской областях, констатируют авторы⁸⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ершов В.* Ель – древо мертвых // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. (Матер. IV Междунар. научн. конф «Рябининские чтения»

2003»). Петрозаводск, 2003; *Еришов В.* Вечнозеленые – вечноживущие (Ель – дерево предков) // Кенозерские чтения. Матер. первой всерос. науч. конф. «Кенозерские чтения». Архангельск, 2004.

² Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. Ель. С. 183–186.

³ *Михайловский В. М.* Шаманство. М., 1892. С. 94.

⁴ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–нач. XX в. // Труды института этнографии. Новая серия. Т. XX. М.; Л., 1954. С. 235.

⁵ *Шаргородский С. М.* Об юкагирских письменах // Землеведение. М., 1895. № 2–3. С. 135; *Шанталинская Т. С.* Вещь – символ – ритуал // Живая старина. № 3. 2003. С. 11.

⁶ *Жукова Л. И.* Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск, 1988. Вып. 1. С. 131.

⁷ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири... С. 518.

⁸ Не делая далеко идущих выводов ввиду недостаточности материала, хочу все же обратить внимание на орнаментальные композиции рясен (подвески на головных уборах славянских женщин XVII–XIII вв.), в которых выделяется мотив женских фигур, по силуэту напоминающих ели. Исследователи называют их Рожаницами (Б. А. Рыбаков), женщинами-вазонами (Г. С. Маслова), но никто не обратил внимание на их идентичность с елями (*Жилина Н. В.* Древнерусские рясна // Истоки русской культуры (Археология и лингвистика). М., 1997. С. 201).

⁹ *Косменко А. П.* Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 160. Рис. 98: 2, 3.

¹⁰ Там же. С. 96. Рис. 99.

¹¹ *Винокурова И. Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов. СПб., 1994. С. 48.

¹² Древний Олонец. Петрозаводск, 1994. С. 27.

¹³ *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное: самосожжения старообрядцев в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 36–37.

¹⁴ *Винокурова И. Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов... С. 48. В то же время у славян известен запрет высаживать ель около дома, что объясняется ее «женской» символикой: она якобы «выживает из дома мужчин» («мужики не будут жить, одни вдовицы будут» – Каргополье) или не будут рождаться в этом доме мальчики; девушки останутся «вековухами» и т.д. Есть и другое объяснение – ель относят к неплодовым деревьям, «поэтому ничего не будет родить ни в хлеву, ни дома», бездетными будут молодожены и т.д. (Славянские древности... Т. 2. С. 184)

¹⁵ *Винокурова И. Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов... С. 75.

¹⁶ *Винокурова И. Ю.* Ритуал первого выгона скота на пастбище у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 23.

¹⁷ *Криничная Н. А.* Русская народная мифопоэтическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 1. СПб., 2001. С. 384.

¹⁸ *Ильина И. В.* Коми-карельские параллели в религиозно-магических представлениях о ели // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР. Петрозаводск, 1989. С. 53; *Смилянская Е. Б.* Микрокосмос верхнекамского старообрядца на исходе XX в. // Старообрядчество Русского Севера. Каргополь, 2001. С. 55; *Семенов В. А.* Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар, 1991. С. 16.

¹⁹ *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 60.

²⁰ *Семенов В. А.* Традиционная духовная культура коми-зырян... 1991. С. 8, 51.

²¹ Там же. С. 51.

²² *Криничная Н. А.* Русская народная мифопоэтическая проза... Т. 1. С. 164.

²³ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири... С. 28.

²⁴ Там же. С. 32. Рис. 13.

²⁵ Там же. С. 62–63. Рис. 44–45.

²⁶ Там же. С. 723.

²⁷ См.: *Конкка А. П.* Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986.

²⁸ *Гунн Г. П.* О ели и Челмогорской пустыни // Историческое и культурное наследие. Каргополь, 1996. С. 111.

²⁹ *В. Еришов.* Вечнозеленые – вечноживущие... С. 88.

³⁰ *Винокурова И. Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов. С. 73.

³¹ *Конкка У. С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 75.

³² З. И. Строгальщикова дает интересное объяснение этому необычному явлению у северных вепсов: с ее помощью поддерживается до сорокового дня связь покойника с миром живых: «по палке душа поднимается», «через нее и разговор с покойником». См.: *Строгальщикова З. И.* Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. С. 76.

³³ *Конкка У. С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 77.

³⁴ Там же. С. 89.

³⁵ *Байбурин А. К., Логинов К. К.* Обрядность русских Заонежья при строительстве нового дома // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 34.

³⁶ *Медведев П. П.* Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 201. Рис. 1.

³⁷ Там же. С. 207.

³⁸ *Фишман О. М.* «Отче» и колдуны: образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 130.

³⁹ *Строгальщикова З. И.* Погребальная обрядность вепсов... С. 75.

⁴⁰ Согласно коми преданию местнотчимый святой Иван умер под елкой. Его похоронили и воткнули на могиле сухую еловую ветку, из которой со временем выросло три больших сосны. Стали они на Ивановском кладбище ориентирами для всех, кто плыл по Печоре. См.: *Дронова Т. И.* Народные предствления о святости // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 172.

⁴¹ Славянские древности... Т. 2. С. 62.

⁴² *Калашикова Р. Б.* Священник Александр Петропавловский – бытописатель карельских приходов Олонецкой губернии сер. XIX в. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 189.

⁴³ *Конкка У. С.* Пoesия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 95.

⁴⁴ *Кузнецова В. П.* Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск, 1992. С. 133.

⁴⁵ *Морозов И. А.* Кукла в современном обиходе // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 64.

⁴⁶ Н. Клюев был певцом ели, это его любимый образ, связанный с уходящей жизнью страны, со смертью, миром предков, кладбищем... См.: *Ершов В. П.* «Я полесник хвойных слов» // XXI век на пути к Клюеву. Петрозаводск, 2006. С. 133–142.

⁴⁷ Карельские причитания. Петрозаводск, 1976. № 85. С. 155.

⁴⁸ Плач дочери на похоронах отца. Карельские причитания... № 228. С. 430.

⁴⁹ Золотой цвет – знак мира мертвых. Карельские причитания... № 35. С. 92.

⁵⁰ *Конкка У. С.* Пoesия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 49.

⁵¹ Карельские причитания... № 34. С. 91. В Сегозерье, по материалам XIX в., по возвращении с кладбища все провожавшие окуривали себя дымом можжевельника. См.: *Конкка У. С.* Пoesия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 89.

⁵² *Кузнецова В. П.* Причитания в северно-русском свадебном обряде. С. 107–108.

⁵³ Карельские причитания... № 54. С. 112. Интересен в этом отношении плач матери перед уходом дочери в дом жениха. Он построен на вопросах матери к дочери: «Зачем, моя выношенная, к (чужим) выношенным, в *можжевеловых лесах* выросшим отдаляешься?... И зачем (ты), моя выпестованная, будешь (ты) в тех *лесных чащах* бродить, так и вицы-веточки будут обижать тебя в той лесной глуши». Здесь все ясно: чужая сторона, «тот, чужой мир» традиционно маркируется через символику глухого леса, можжевеловых зарослей. Далее мать сетует, что не может вынести этих печалей дочери: ведь выросла она «в чудесных местах, где золотые кольца изнашивала, ты поднялась и выросла среди *гулких еловых лесочков*». Мы знаем, что «еловые лесочки» – знак «инога мира». Получается какое-то несоответствие между сторонами невесты и жениха. Ошибка плакальщицы? Забвение традиции? (Карельские причитания... С. 125).

⁵⁴ *Конкка У. С.* Пoesия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 200.

⁵⁵ Там же. С. 198. Плач невесты.

⁵⁶ Карельские причитания... № 11. С. 55.

⁵⁷ *Кузнецова В. П.* Причитания в северно-русском свадебном обряде... С. 164.

⁵⁸ Карело-финский народный эпос. М., 1994. Т. 2. С. 306.

- ⁵⁹ Там же. С. 131.
- ⁶⁰ Карельские причитания... С. 51.
- ⁶¹ Там же. № 83. С. 148.
- ⁶² Там же. С. 63.
- ⁶³ Там же. № 217. С. 406.
- ⁶⁴ Там же. С. 146.
- ⁶⁵ Там же. № 212. С. 398–399.
- ⁶⁶ *Степанова А. С.* Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 120.
- ⁶⁷ Н. А. Криничная считает, что в данном случае эти дрова являются эманацией лешего. См.: *Криничная Н. А.* Русская народная мифопоэтическая проза... Т. 1. С. 53. Надо отметить, что в плачах южной Карелии перечисляются деревья, из которых не следует делать гроб, среди них присутствует ель и сосна. «В плачах северной Карелии, – пишет У. С. Конкка, – мотив перечисления деревьев и их непригодности не встречается». См.: *Конкка У. С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 62, см. также с. 172.
- ⁶⁸ *Степанова А. С.* Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня... С. 119–120.
- ⁶⁹ *Колпакова Н. П.* Лирика русской свадьбы. Л., 1973. С. 100.
- ⁷⁰ *Кузнецова В. П.* Причитания в северно-русском свадебном обряде... С. 88.
- ⁷¹ *Конкка А. П.* Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом... С. 91.
- ⁷² Карельские причитания... № 90. С. 169.
- ⁷³ Это касается и соотношения роста и здоровья дерева и судьбы человека, которые идут параллельно: как растет высаженное при рождении ребенка дерево, так будет он расти; дерево засыхает и ребенок умирает, или засыхание «именного» дерева, начиная с кроны, происходит перед смертью человека. См.: *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Л., 1993. С. 113–114.
- ⁷⁴ *Конкка У. С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи... С. 83.
- ⁷⁵ Цит. по: *Лавонен Н. А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000. С. 30.
- ⁷⁶ Карельские причитания... № 51. С. 109; *Степанова А. С.* Карельские свадебные причитания и ритуальная свадебная баня... С. 122.
- ⁷⁷ «Калевала», руна 21, перевод Л. Бельского.
- ⁷⁸ «Корни деревьев» – ели, сосны – тема отдельная. Здесь только отметим, что, с одной стороны, они уходят в землю к предкам, отсюда древний обычай – хоронить под корнями (*Конкка А. П.* Дерево у могилы. На кладбищах северо-восточной Карелии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 3. СПб., 2007. С. 210 и др.; *Семенов В. А.* Традиционная духовная культура коми-зырян... С. 43) и от них невеста просит воду для умывания. Об этом же говорит и калевальская руна: о роднике из-под корней дерева. Родники из-под корней дерева почитались с древности, окружались рассказами о чудесах, легендами, были связаны с культами местных святых (*Панченко А. А.* Народное православие. СПб., 1998. С. 154, 172). На этом фоне особый смысл обретает елочка с корнями, о которой мы писали выше. Здесь

корни, по моему мнению, символизируют жизнь, значение приобретает их обращенность к предкам, что демонстрирует обряд посадки елочки на том месте, где будет строиться дом, жертвы под корнями, змеи – духи-покровители, обитающие под корнями ели, к которым полагались подносить (демонстрировать) новорожденного ребенка (*Лавонен Н. А. Стол в верованиях карелов...* С. 69) и т. д. С другой стороны, метафора корня с негативным значением как место обитания нечистого отмечена в многочисленных быличках, устных мифологических рассказах, например, происхождение кикиморы от дерева с корнем или местообитание лешего, лесного хозяина под корнем вывороченного дерева (*Криничная Н. А. Русская народная мифопоэтическая проза...* Т. 1. С. 216, 361, 365–366, 373).

⁷⁹ Карело-финский народный эпос... Т. 2. С. 131.

⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 143.

⁸¹ Там же. Т. 2. С. 34.

⁸² *Винокурова И. Ю.* Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов... С. 22. Ель – дерево богов в ряде религий – Одина в Скандинавии, Зевса в Греции. Лучезарный Кришна появился на свет в кедровом лесу, у ствола кедра он и погибает. Старообрядцы Верхнекамского региона почитали еловое дерево, как и березу, относящиеся к божьему миру. Эта идея проявляется и в многочисленных литературных произведениях, так, например, в стихотворении С. Есенина «Иисус – младенец» аист уносит маленького и голодного Иисуса в свое гнездышко *на елку*.

⁸³ Карело-финский народный эпос... Т. 2. С. 26.

⁸⁴ *Криничная Н. А.* Русская народная мифопоэтическая проза... С. 347.

⁸⁵ Там же. С. 165, 347, 359, 361, 365, 373, 393, 403, 405–406.

⁸⁶ *Орфинский В. П., Хейккинен К.* К вопросу о формировании этнических символов // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 13–14.

⁸⁷ Там же. С. 13.

О. М. Фишман

ЗНАЮЩАЯ – БОЛЬНАЯ: ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВОЙ АВТОБИОГРАФИИ¹

С Юго Юльевичем Сурхаско я познакомилась в 1980-е гг., будучи начинающим этнографом, и с тех пор нас связывали очень теплые товарищеские отношения. В памяти остались не только книги, статьи, выступления Юго Юльевича, но и личные беседы, в которых он щедро делился своими глубокими знаниями карельской народной культуры, очень тонкими наблюдениями, излагаемыми зачастую не без юмора. Известно, что сфера профессиональных интересов Сурхаско включала и изучение корпуса карельской эзотерики, непревзойденным